

Раздел 2. Политическая коммуникация

УДК 811.161.1'272
ББК Ш141.12-006.21

ГСНТИ 16.21.25

Код ВАК 10.02.19

А. И. Зверев A. I. Zverev
Москва, Россия Moscow, Russia

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
МЕТАФОРИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ
ЛЕКСЕМ «СКОМОРОХ» И «ШУТ»
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**COMPARATIVE ANALYSIS
OF METAPHORICAL USE
OF THE LEXEMES “SKOMOROKH”
AND “JESTER” IN MODERN
RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Анализируется употребление лексем «шут» и «скоморох» в современном российском политическом дискурсе. Установлен набор контекстуальных особенностей употребления указанных лексем.

Abstract. The article studies the use of the lexemes “jester” and “skomorokh” in modern Russian political discourse. The article specifies the contextual features of these terms.

Ключевые слова: скоморох; шут; синонимы; театральность политического дискурса.

Key words: skomorokh; a court jester; convertible terms; theatricality of the political discourse.

Сведения об авторе: Зверев Антон Игоревич, аспирант.

About the author: Zverev Anton Igorevitch, Post-graduate Student.

Место работы: Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва).

Place of employment: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Контактная информация: 119019, Москва, Волхонка, 18/2.
e-mail: zverevanton@mail.ru.

Основная задача данной статьи заключается в попытке определить семантические различия между лексемами «скоморох» и «шут» и особенности употребления указанных лексем в современном российском политическом дискурсе. Кроме того, мы постараемся определить границы функционирования и особенности метафорического употребления указанных лексем. Наше исследование основано на гипотезе о том, что «шут» и «скоморох» зачастую употребляются в схожих контекстах, причем эти лексемы не являются абсолютными синонимами, а сохраняют ряд исторически сложившихся и культурно обусловленных признаков, помогающих различать объекты, обозначаемые скоморохом или шутом. Более того, эти «схожие контексты употребления» мы постараемся подобрать к некоторым другим лексемам, которые часто в политическом дискурсе используются наряду со «скоморохом» и «шут» в значении, близком к значениям указанных слов.

Материалом исследования служат политические статьи и обзоры двух крупных интернет-изданий — «Gazeta.ru» и «Lenta.ru» за 2004—2013 гг. Также мы обращались к изданиям «Vedomosti.ru», «Izvestia.ru», «Snob.ru» и Национальному корпусу русского языка.

Необходимость изучения выбранной нами темы следует из нескольких предпосылок. Первая заключается в том, что исследования метафор политического дискурса в ключе театральности логично начинать

с главного «действующего лица», т. е. таких лексем, которые являются результатом метафорической проекции из сферы-источника «Театр», к которому принадлежат слова «шут» и «скоморох» в своих прямых значениях, на личность конкретного политического деятеля. Так, Н. Г. Шехтман в работе «Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе» проводит сопоставительный анализ театральных метафор через призму фрейм-слотной структуры представления знаний и выделяет фрейм «„People who work in the theatre“ — „Работники театра“ в американском и российском политическом дискурсе». Мы видим необходимость в уточнении формулировки фрейма, поскольку, в соответствии с традицией русского языка, актеров, комедиантов, лицедеев, костюмеров, декораторов и прочих правильнее называть «служащими» театра.

Если критически рассмотреть примеры, которые Н. Г. Шехтман включает в выделенный ею фрейм, то можно заметить определенную парадоксальность, поскольку некоторые из приведенных в работе примеров крайне условно относятся к театру. Речь идет прежде всего о словах «маэстро» [Шехтман 2005: 127] и «жонглировать» [Там же: 127], которые в нашем сознании конвенционально соотносятся с областями «Музыка» и «Цирк». Подобные примеры позволяют утверждать, что границы области-источника метафорического проецирования, с одной стороны, условны, а с другой стороны, дос-

таточно подвижны, т. е. способны расширяться за счет включения всё новых и новых понятий. В силу синкретизма и изоморфизма основных видов изобразительных искусств исследователи метафор охотно раздвигают рамки понятия «театр», добавляя такие смежные области, как цирк, кино, музыку и др. Эта же парадоксальность просматривается в нашем исследовании, поскольку «шут» и «скоморох» не являются типичными фигурами театра, но при этом в метафорическом употреблении соответствующие лексемы достаточно явно создают ощущение театральности в любом из рассмотренных политических текстов.

Как пишет Е. И. Шейгал, «театральность политического дискурса связана с тем, что одна из сторон коммуникации — „клиент“, народ — выполняет в ней преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает события как некое разыгрываемое для него действо» [Шейгал 2004: 63]. Театральность — это один из важнейших и системообразующих факторов политического дискурса. О политике говорят «языком» театра не только в силу внешней схожести семиотических моделей коммуникации политиков и артистов, но и в силу общечеловеческой традиции говорить о жизни как о театре (ср. расхожие фразы «Вся жизнь игра», «Live is a Cabaret», «Live is a Carnival», «Show must go on», «It's Showtime» и пр.). Фактор «адресата-наблюдателя», отмеченный Е. И. Шейгал, тоже сказывается, но требует некоторых уточнений, поскольку разделение «государства» и «народа» соответственно на «адресата» и «адресанта» порой крайне условно. Это демонстрирует прежде всего Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса „Российская общественная инициатива“». Из правил, сопровождающих этот указ, можно сделать заключение, что гражданин РФ может внести любую инициативу по вопросам «развития страны», «совершенствования государственного и муниципального управления». Наличие подобной возможности мы и считаем примером смены отношений «адресата» и «адресанта» политической коммуникации. Более того, следует отметить, что говорить о людях как о «наблюдателях политических действий» всё труднее и труднее, примерами чему служат и протестные митинги российской оппозиции («Русский марш», «Марш миллионов», «Народные гуляния», марш около памятника Абаю Кунанбаеву, получивший в Интернете хэштег

#ОкупайАбай), и акции гражданского неповиновения, и народные волнения на Украине, получившие название «Евромайдана». Участники этих акций, равно как и люди, выдвигающие какие-либо общественные инициативы, становятся «источником» политического действия (адресантом), а «правительство» в широком смысле и президент как руководитель правительственного аппарата — «целью» этого действия (адресатом).

Другая грань театрализации политического дискурса заключается в том, что «политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о „зрительской аудитории“ и намеренно или непроизвольно лицедействуют, „работают на публику“, стараются произвести впечатление и „сорвать аплодисменты“» [Там же: 63]. Смена «источника» политического действия не отменяет возможность говорить о политике языком театра, а лишь усложняет эту схему путем добавления еще одного актанта — народа, лидер или представитель которого также может «лицедействовать», «работать на публику», «срывать аплодисменты».

Независимо от распределения ролей адресата и адресанта политической коммуникации в оппозиции «народ — власть» мы вынуждены признать, что метафоры, использующие театр в качестве источника метафорического проецирования, употребляются в политическом языке, как правило, с уничижительной оценкой, при этом они содержат импликацию «несерьезности», «нереалистичности», «искусственности» происходящего. Исключение составляют устойчивые сочетания вроде «арена политической борьбы», «политическая сцена», «театр военных действий» и др. Так, например, в рубрике «Письмо редактора» журнала «Компания» от 12 августа 2013 г. содержится масса театральных метафор, уничижительно описывающих политические реалии современной России: *Но гремят они на всех подмостках страны, как бездарно поставленная пьеска; И всё это с таким пафосом и драматизмом...; Роли расписаны, слова выучены; В Москве состоятся всё-таки выборы, а не очередной балаган с волеизъявлением публики; К чему тогда комедия?; Скорее, это просто еще одно действие замыленной оперетки, разыгравшейся на этот раз не в вертепе, а в столице.*

Ирония и высмеивание политических противников или событий являются популярной областью приложения метафор вообще и театральных метафор в частности. Подобная функция метафоры прослеживается со времен Аристотеля, который отме-

чал, что «если желаешь представить что-нибудь в прекрасном свете, следует заимствовать метафору от предмета, лучшего в этом самом роде вещей; если же <хочешь> выставить что-нибудь в дурном свете, то <следует заимствовать ее> от худших вещей...» [Аристотель 2013: 271].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что приведение «политики» и «театра» к одному знаменателю «ненастоящности» несколько противоречиво, поскольку театр — это институционализированный потомок обрядовых действий, сопровождающих культовые ритуалы. Не вызывает сомнения тот факт, что, например, обрядовый охотничий танец был достаточно реален для людей до возникновения государственности. А современная политика — это (с вербальной стороны) наследник ораторского мастерства античности, где «в VII в. до н. э. с уходом в прошлое эпохи царей и усилением демократических тенденций ... всё большее значение приобретает звучащее слово, ... обращенное к коллективу с призывом к действию» [Корнилова 2010: 12]. Ритуальные действия и красноречие — это естественные элементы быта человека, которые с течением времени эволюционируют и дают автономные понятия «театра» и «политики». При этом со временем утрачивается фактор ежедневной вовлеченности каждого члена человеческой общины или античного полиса. Один из исторически ранних случаев максимального сближения театра и политики зафиксировал Гай Светоний Транквилл в работе «Жизнь двенадцати цезарей», приводя такой эпизод биографии Нерона: «Когда он пел, никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках» [Светоний 2007: 251].

Употребление театральных метафор является довольно распространенным явлением в политическом дискурсе любой страны. Существует гипотеза, что в исторические периоды, насыщенные политическими событиями, количество театральных метафор значительно увеличивается. Научное подтверждение данного предположения вполне возможно, но выходит за рамки темы нашего исследования.

Начать сопоставительное исследование, касающееся употребления слов «скоморох» и «шут», мы хотели бы с ряда примеров метафорического употребления лексемы «скоморох», с тем чтобы постараться выделить функциональную канву этой метафоры.

(1) *Человеческая психика проста и незамысловата, а Жириновский — пророк ее. Забавно было наблюдать в минувшие выходные, как миллионы людей вышли на улицы ради буквального подтверждения полупьяных откровений великого **скомороха** современной России* [Лиманов].

(2) *Вообще-то они, „военные“, настоящие **скоморохи**, их акции — чистый балаган, проявление площадной народной культуры. Так, может быть, надо их номинировать и на „Золотую маску“?* [Кабанова 2011].

(3) *Их обязательно нужно наказывать, хотя с тюремными сроками явно перебарщивают. Я не согласен с Андреем Кураевым, который назвал их выходку **скоморошеством**. **Скоморохи** могут выступать на улице, а в церкви — это уже осквернение* [Тимофеев 2012].

(4) *В начале кампании много было нареканий, что, дескать, брат слишком скован, недостаточно эмоционален и т. д. А мне кажется, такая реакция была вызвана нашей многолетней привычкой видеть по телевидению распущенных хамов и **скоморохов**, величающих себя публичными политиками* [Соколова 2012].

(5) *В мегафон ей вторил второй секретарь обкома Николай Алянич: „Ельцин — это **скоморох**, низкокультурный человек“* [НКРЯ].

(6) *С момента, как начался ажиотаж вокруг песни „Наш дурдом голосует за Путина“, мне уже не раз приходилось подчеркивать, что мы не политики и не оппозиционеры, а **скоморохи**. И нам, конечно, не пристало вставать ни под чьи знамена* [Крижевский 2011].

На основании приведенных примеров попробуем сделать общие выводы об особенностях метафорического употребления лексемы «скоморох». Во-первых, скоморохом или скоморошеством называют человека или группу лиц, поведение которых нарушает социальные нормы путем привнесения забав и увеселений в сложившийся порядок. Исследователи скоморошества часто говорят об «антиповедении» скоморохов. Когда скоморошество на Руси было официально запрещено, их забавы приравнивались к преступлению. С. Г. Максимов приводит поддержку из «Поучения» Митрополита Кирилла, содержащую прямой запрет на «русалии скоморохов и прочие диавольские игры» [Максимов 2011: 83]. «Царская грамота в Белгород об исправлении нравов и уничтожении суеверий» 1648 г. от царя и Великого князя всея Руси Алексея Михайловича также отмечает, что «пьянство и всякое мя-

тежное действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми» является серьезным врагом для любого православно-го крестьянина. Парадоксальным образом запрет царя Алексея Михайловича на скоморошество противоречит созданию «комедийной хоромины», а после — и «комедийной палаты» при его же правлении. Сопоставление скоморошества и преступления содержится в примере 3, в котором панк-молебен участниц группы «Pussy Riot» был приравнен к скоморошеству.

Во-вторых, скоморошество — это одна из маркирующих особенностей поведения конкретных политиков, выходящего за рамки социальных норм (примеры 1 и 5). Особенность такого употребления заключается в том, что «скоморошество» — это не просто оценка конкретных действий, примеров «антиповедения», а прозвище-оценка всей карьеры политического деятеля. В этом случае не имеет значение, что послужило стимулом к появлению подобной метафоры, поскольку за человеком уже закрепилась репутация «несерьезного». Историческим примером может выступить прозвище «Свиристый скоморох», которым обозначил Ивана Грозного Л. Бердников в книге «Шуты и остроусловы: герои былых времен» [См. подр.: Бердников 2009: 15—36]. Большое количество «забав» Ивана Грозного, включающих насилие и убийства, было направлено на увеселение конкретного человека, его самого, поэтому сравнение со скоморохом не носит какого-то прецедентного характера, а описывает большую часть поступков царя.

Отсутствие привычной одиозности в поведении политика, которое должно было бы способствовать фокусировке людей на его словах и поступках, напротив, вызвало появление негативных характеристик этого политического лица, как в примере 4. В этом же примере отмечается, что «скоморошество» как тип поведения в современном российском сознании может быть отнесено к любой политической фигуре.

Также «скоморошеством» удобно обозначать различные культурные проявления (акции, перформансы и пр.), художественная ценность которых достаточно сомнительна и вызывает лишь смех (примеры 2 и 6). В примере 2 перформансы арт-группы «Война» сравниваются со скоморошеством, поскольку акции этого объединения носят политически-протестный характер, для чего часто используются достаточно провокационные методы, вроде инсценировки казни, получившей название «Памяти декабристов».

Отметим тот факт, что скоморошество всё же скорее ассоциируется с нарушением

правил, которое вызывает смех у людей (исключая пример 3). В большинстве приведенных примеров лексему «скоморох» можно гипотетически заменить лексемой «шут», при этом не произойдет «сокращения» метафорического следствия, снижения стилистической окраски или разрушения смысла фразеологического оборота.

Обратим внимание на контекстуальную особенность употребления слова «скоморох» в примерах 3 и 6: скоморошеством называется исполнение песен (в обоих примерах) и танец (в примере 3). В словаре В. И. Даля понятие «скоморох» дефинируется через синонимический ряд «музыкант, дудочник, сопельщик, гудочник, волынщик, гуслиар, промышляющий пляской с песнями...» [Даль 1909: 103]. Исполнение музыки на различных инструментах, пляски, шутки — вот основные рамки функционирования скомороха.

В политическом дискурсе скоморох лишен ряда традиционных обязанностей, например сопровождения ритуалов жизненного цикла. Кроме того, исторически скоморохи вели бродячий образ жизни, что объединяло их с бродячими комедиантами и музыкантами Европы, но в современном политическом языке нам не удалось найти примеров, иллюстрирующих частую смену места действия скомороха. «Антиповедение», или «поведение наоборот» скомороха утратило и внешнюю атрибутику (ношение маски и вывернутой наизнанку одежды), но сохранило элемент нарушения традиционного соотношения ситуации и действия. Одно из направлений скоморошества — кукольный театр, который представлял собой поднятую вверх простыню, нижний край которой обвязывался вокруг пояса скомороха, — является достаточно распространенной театральной метафорой в политическом дискурсе, но связь кукольного театра со скоморошеством в политическом языке уже неочевидна. Не связывается со скоморошеством и Петрушка, который из главного героя кукольных представлений скоморохов стал фигурой, олицетворяющей глупость и простодушие.

Рассмотрим теперь примеры употребления лексемы «шут», которую метафорически также используют для обозначения человека, вызывающего смех своим поведением или словами.

Во-первых, «шутлом» часто называют политика, слова или поведение которого выходят за рамки норм, вызывают смех у людей, наблюдающих за поведением «шута» или являющихся адресатом шутовских действий. Об этом свидетельствуют следующие примеры из современной политической публицистики:

(7) Владимир Жириновский назвал Дагестан, Чечню и Ингушетию главными проблемами России. В ответ глава Чечни Рамзан Кадыров назвал его **шутом**, а чеченский парламент потребовал отправить Жириновского в отставку (что невозможно без решения суда) [Генпрокуратура проверит слова Жириновского...].

(8) У меня нет проблем с самовыражением. Если б я хотел назвать его Гитлером, я бы назвал. Правда, я считаю, что он на Гитлера абсолютно не тянет. Он **шут гороховый** (об Алексее Навальном) [«Это капризные нарциссы, а не оппозиция»].

(9) И если для американцев аль-Сахаф вполне вписывался в роль **шута**, то жителям арабских стран он виделся несгибаемым патриотом [Сергеев 2003].

Во-вторых, следует отметить дополнительную функцию «шута» как носителя и выразителя какой-либо информации, которую не осмеливаются произнести серьезные политики. Эта характеристика шута сближает его с «сумасшедшим» из тернарной структуры «дурак — умный — сумасшедший» в понимании Ю. М. Лотмана, который отмечал, что безумное поведение (сумасшествие) «отличается тем, что носитель его получает дополнительную свободу в нарушении запретов, он может совершать поступки, запрещенные для „нормального“ человека» [Лотман 1992: 65]. Эту особенность шута отмечают и исследователи русской культуры и фольклора: «Веселый, дерзкий, ярко и вызывающе одетый шут забавлял своего господина смешными выходками, баснями, прибаутками, пользуясь свободой, которой были лишены другие приближенные, и часто под видом шуток говорил властелину горькую правду» [Гаврилов 2009: 113].

(10) На самом деле Сильвио Берлускони, с простодушием режущего правду-матку **шута при дворе жестокого тирана**, всего лишь обнажил тот ценностный фон, на котором по-прежнему творится мировая политика [Новопрудский (2)].

В-третьих, мы можем отметить социальное местоположение «шута» возле правителя или правительства. Шут уже не просто развлекает всех подряд, а смешит политического лидера или определенный круг людей, как шуты во «Всешутейшем, всепьянейшем и сумасброднейшем соборе» при Петре I или в «Кувыр-коллегии» при Анне Иоанновне — антиповедение шута направлено на конкретного адресата. Антиповедение шута исторически имело характерный внешний атрибут: головной убор шута — это колпак, верхушку которого образуют три кону-

сообразные детали, украшенные колокольчиками или бубенцами на концах. Эта шляпа символизирует ослиные уши и хвост, а также является вывернутой короной, «антикороной». В современном политическом дискурсе примеров употребления выражения «шутовской колпак» нами не выявлено.

(11) Именно абсолютная власть, так как весь штат чиновников обслуживает прихоти верхушки, армия силовиков охраняет их сон, **придворные шуты** развлекают их „аншлагами“ [Пташкин 2010].

(12) Отдельные политические персонажи и вовсе предлагали организовать убийство неудачливого ВИПа, только чтобы он не оказался в застенках у супостата. При чем делали это публично, как и свойственно **шутам**, передразнивающим своих осторожных властителей [Сладкий суд отечества].

В словаре В. И. Даля «шут» толкуется не через синонимический ряд, как слово «скоморох», а с помощью дефиниции: «...человек, промышляющий шутовством, шутками, остротами, дурачеством...» [Даль 1909: 746].

Если рассмотреть случаи употребления слова «шут» в перечисленных примерах, то можно констатировать, что в примере 7 «шута» с легкостью можно заменить на «скомороха», при этом эффект от метафорического сравнения не снижается. Пример 8 содержит устойчивое словосочетание «шут гороховый», которое, равно как и «шут полосатый», «шут площадной», «шут балаганный», «шут выворотной» и «шут Балакирев», не может быть заменено на «скомороха» без потери дополнительного фразеологического смысла. Отметим, что этимология фразеологизма «шут гороховый» непосредственно связана с атрибутом, который носил при себе средневековый шут. Этот атрибут шутовского наряда представлял собой короткий жезл, украшенный с одного конца надутым бычьим пузырем, в который для шумового эффекта насыпали сушеный горох. С помощью такой «погремушкой» шуты собирали публику, а также часто в ходе выступления стукали по голове других актеров или зрителей. Шутовской наряд, сшитый, как правило, из тканей двух разных цветов, был зафиксирован во фразеологизме «шут полосатый».

Примеры 10 и 11 содержат указание на локализацию деятельности шута (рядом с правителем), что является одним из критериев различия «шута» и «скомороха», поскольку скоморох — это бродячий артист. Место действия шута ограничено «двором», что отражено во фразеологии: «придворный шут» в русском языке, «der Hofnarr» — в немецком (der Hof — нем. «двор»), «a court jester» — в английском (a court — англ.

«двор»).

В современном политическом языке образ шута значительно размыт, что очевидно при сравнении примеров 1 и 7, в которых замена «скомороха» на «шута» не влечет за собой изменения смысла метафорического сравнения. Более того, «шут» и «скоморох» часто употребляются одновременно или вместе с рядом лексем, схожих по функции дискредитации политика.

(13) *„Шуты и скоморохи пошли в губернаторы, — сказал он. — Скоро докажемся до того, что парламентский час будет вести Регина Дубовицкая“* [Руднева, Солянская 2004].

(14) *Ну так, в конце концов, безо всяких выборов можно было бы провозгласить нынешнего российского президента царем Владимиром I, а политтехнологи с провластными журналистами и руководителями телеканалов просто переквалифицировались бы в придворных шутов и скоморохов* [Новопрудский (1)].

(15) *Она продолжала настаивать, что Pussy Riot — это шуты и скоморохи, юродивые, а не преступники. Строчка из песни „черные рясы — золотые погоны“ — она не о богохульстве, а о сращивании церкви и правоохранительных органов* [На седьмой день бог отдыхал].

(16) *По мнению депутата-регионала Сергея Кивалова, носящего, кстати, прозвище, ... Луценко — не кто иной, как „шут, скоморох, кабацкий дебошир, трусливый пес, алкоголик и Иуда“* [Сонный пасечник и трусливый пес].

Попытаемся решить поставленную в начале задачу — установить особенности употребления лексем «шут» и «скоморох» в современном российском политическом дискурсе. Проанализировав приведенные выше примеры употребления указанных лексем, мы утверждаем, что *шут* и *скоморох* могут употребляться синонимически (примеры 1 и 7). Кроме того, мы постарались установить границы функционирования лексем «шут» и «скоморох», т. е. выделить типовые ситуации, которые метафорически называются «шутством» и «скоморошеством», а их участники сравниваются с шутами и скоморохами. Сопоставление этих типовых ситуаций и подтвердило нашу основную гипотезу о том, что «шут» и «скоморох», синонимически сближающиеся в современном политическом дискурсе, сохраняют набор уникальных для каждого понятия черт даже в такой прикладной сфере функционирования языка, как политический язык. Так, основная событийная канва функционирования скомороха, сохранившаяся в политиче-

ском дискурсе, — песни, пляски, веселые проделки, остроты (примеры 1, 2, 3 и 6). Деятельность шута ограничена шутками, кривлянием, передразниванием (примеры 8, 9, 10). За метафорическим «скоморохом» обычно нет никакой реальной политической силы, он один, а метафорический «шут» сохраняет свой титул «царя дураков». Так, в примерах 7, 8 и 9 осуществляется метафорическая дискредитация крупных политических фигур — В. В. Жириновского, А. Навального и министра информации Ирака Мухаммеда Саида Аль-Сахафа, — которые являются лидерами определенных политически значимых социальных групп.

В русской культуре противопоставление скомороха и шута несущественно, поскольку это не два разных персонажа, а разные грани одного, более общего, архетипического, — трикстера. Наиболее общее определение «трикстера» приводится в Википедии: «Трикстер (англ. *trickster* — обманщик, ловкач) в мифологии, фольклоре и религии — божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения» [Трикстер]. Крупный исследователь феномена трикстера Д. А. Гаврилов в работе «Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре» отмечает ряд важнейших черт этого архетипа: он нарушитель спокойствия и сеятель раздоров; провокатор и инициатор; посредник; господин магических искусств, добытчик знаний и благ; воплощение дикой первобытной природы; оборотень, трюкач, игрок; мудрец и юнец. Эти характеристики не стоит понимать буквально, поскольку, например, характеристика «оборотень» маркирует такую особенность поведения трикстера, как переодевание: одежда наизнанку у скомороха, шутовское платье и колпак у шута. Разные комбинации характеристик трикстера и образуют дихотомию «скоморох — шут», рассматриваемую в нашем исследовании. На разделение скомороха и шута в русской культуре непосредственно повлиял ряд политических факторов, таких как запрет духовенства на скоморошество, поощрение шутовства при Петре I, заимствование и создание первого русского театра при царе Алексее Михайловиче и др. Это исторически сложившееся противопоставление перешло и в политическую сферу, сохранив некоторые базовые черты, помогающие отличить скомороха от шута.

Различные комбинации характеристик трикстера позволяют построить синонимический ряд к скомороху и шуту, например: *юродивый, блаженный, дурак* и др. Все пе-

речисленные и гипотетически достраиваемые синонимы будут обладать набором общих черт трикстера (провокатор, нарушитель спокойствия и сеятель раздоров, воплощение природы), самой важной из которых следует признать «посредничество»: шут и скоморох — это посредники между естественным (нормальным) миром и неестественным (безумным). Как живые участники культуры смеха скоморох и шут способствуют созданию нового, более справедливого порядка. Как отметил Д. С. Лихачёв, «в этом великое созидательное начало „смехового мира“» [Лихачёв, Панченко 1976: 4]. С другой стороны, как элементы театра шут и скоморох — зримые воплощения безумного мира, на что обратил внимание М. Ю. Лотман: «...антитеза театрального и нетеатрального поведения выступает как одно из истолкований противопоставления безумного нормальному» [Лотман 1992: 72]. В качестве источника метафорической проекции в политическую сферу у шута и скомороха акцентируются «несерьезность», «нереальность» и «театральность», что позволяет уменьшить доверие со стороны адресата политической коммуникации к какому-либо политику. Наиболее полно и точно важность трикстера (а следовательно, шута и скомороха) охарактеризовал Д. А. Гаврилов: «Повидимому, архетип Трикстера находит полное функциональное выражение ... в текстах, относящихся к смене социальных эпох или смене базовых мировоззренческих парадигм. В большинстве случаев трикстер, несмотря на его разрушающую роль, рассматривается как положительный герой. Усилия трикстера до момента смены социально-культурной системы направлены в положительную сторону» [Гаврилов 2009: 242].

Несмотря на то что феномен «скоморошества» возник в языческой Руси, видоизменился в период Средневековья и стал называться «шутством», а затем снова трансформировался в «придворный театр», развитие соответствующего понятия не остановилось. Трикстер и сегодня появляется в телевизионных шоу, пропагандистских листовках и комиксах. Настоящая статья — это попытка исследовать два небольших, но достаточно ярких варианта репрезентации образа трикстера в политическом дискурсе. Дальнейшее исследование этого феномена также необходимо, поскольку образ трикстера продолжает занимать важное место в человеческой коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

1. *Генпрокуратура* проверит слова Жириновского о колючей проволоке вокруг Кавказа // Lenta.ru. 2013. 29 окт. URL: <http://lenta.ru/news/2013/10/29/ldpr/> (дата обращения: 15.12.2013).
2. *Кабанова О.* Как сфабриковать информационный повод из трех букв // Ведомости. 2011. 5 марта. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/6781981/kak_sfabrikovat_informacionnyj_povod_iz_treh_bukv#sel=14:1,14:26 (дата обращения: 15.12.2013).
3. *Крижевский А.* «Мы шуты и скоморохи» // Газета.ru. 2011. 24 окт. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2011/10/24/a_3811070.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
4. *Лиманов А.* Опа-опа, Америка-Европа! // Газета.ru. <http://www.gazeta.ru/column/limanov/158333.shtml> (дата обращения: 15.12.2013).
5. *На седьмой день бог отдыхал* // Lenta.ru. 2012. 8 авг. URL: <http://lenta.ru/articles/2012/08/07/pussy-numberseven/> (дата обращения: 15.12.2013).
6. *Национальный корпус русского языка = НКРЯ.* URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12.2013).
7. *Новопрудский С. (1)* Люди за скобками // Газета.ru. URL: <http://www.gazeta.ru/column/novoprudsky/1600503.shtml> (дата обращения: 15.12.2013).
8. *Новопрудский С. (2)* Цвет нации // Газета.ru. URL: <http://www.gazeta.ru/column/novoprudsky/2882421.shtml> (дата обращения: 15.12.2013).
9. *Пташкин О.* Закон о беспределе // Газета.ru. 2010. 18 июня. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2010/06/18_a_3387349.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
10. *Руднева Е., Солянская К.* «Рогозин, ты чей? Устинов, вы где?» // Газета.ru. 2004. 6 июля. URL: http://www.gazeta.ru/2004/07/06/oa_126149.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
11. *Сергеев В.* Неуловимый Саид снова неуловим // Газета.ru. 2003. 27 июня. URL: <http://www.gazeta.ru/2003/06/27/amerikancyot.shtml> (дата обращения: 15.12.2013).
12. *Сладкий суд отечества* // Газета.ru. 2008. 19 февр. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2008/02/19_e_2642378.shtml (дата обращения: 15.12.2013).
13. *Сokolova К.* Ирина Прохорова: «Наше общество намного лучше, чем оно о себе думает» // Сноб. 2012. 4 апр. URL: <http://www.snob.ru/magazine/entry/47677> (дата обращения: 15.12.2013).
14. *Сонный пасечник и трусливый пес* // Lenta.ru. 2009. 11 дек. URL: <http://lenta.ru/articles/2009/12/11/aloha/> (дата обращения: 15.12.2013).
15. *Тимофеев Я.* «Тенденция превращения церкви в инквизицию меня настораживает». Владимир Мартынов — о «Детях Выдры», безобразниках из Pussy Riot и безальтернативных выборах // Известия. 2012. 19 марта. URL: <http://izvestia.ru/news/518868> (дата обращения: 15.12.2013).
16. *Трикстер* // Википедия : свободная энцикл. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%F0%E8%EA%F1%F2%E5%F0>.
17. «Это капризные нарциссы, а не оппозиция». Интервью с телеведущим Дмитрием Киселевым // Lenta.ru. 2013. 25 сент. URL: <http://lenta.ru/>

articles/2013/09/25/kiselev/ (дата обращения: 15.12.2013).

ЛИТЕРАТУРА

18. *Аристотель*. Поэтика. Риторика. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2013.

19. *Бердников Л. И.* Шуты и острословы: герои былых времен. — М. : Луч, 2009.

20. *Гаврилов Д. А.* Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. — М. : Ганга : Слава!, 2009.

21. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и значительно доп. / [под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ]. — СПб. : Изд. поставщика Двора его Императорского Величества Товарищества М. О. Вольф, 1903.

22. *Корнилова Е. Н.* Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античного мира :

учеб. пособие. 3-е изд., доп. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010.

23. *Лихачёв Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. — Л. : Наука, 1976.

24. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. — М. : Гнозис : Прогресс, 1992.

25. *Максимов С. Г.* Волхвы, скоморохи и офени. — М. : Вече, 2011.

26. *Светоний Г. Т.* Жизнь двенадцати цезарей. — М. : Эксмо, 2007.

27. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

28. *Шехтман Н. Г.* Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. П. Крысин